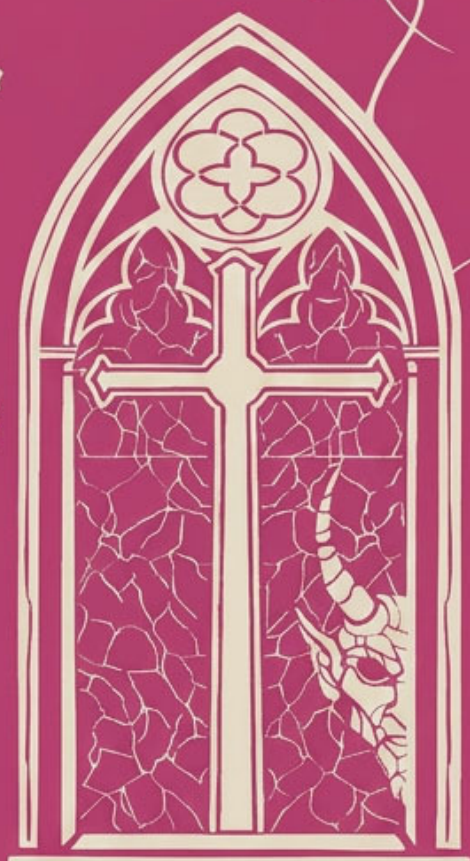
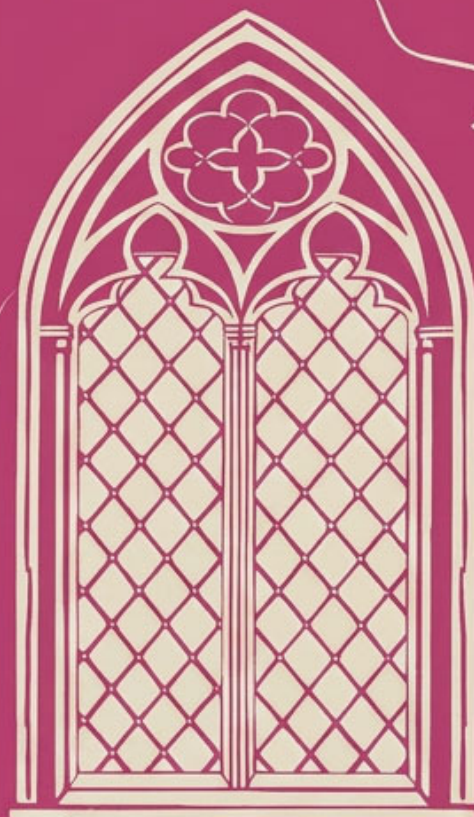

ФРЕДЕРИК СУЛЬЕ

Мемуары Дьявола

Том 3

Магистраль. Главный тренд

Фредерик Сулье

Мемуары Дьявола. Том третий

«ЭКСМО»

1838

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Сулье Ф.

Мемуары Дьявола. Том третий / Ф. Сулье — «Эксмо»,
1838 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-256534-2

Третий том мистического романа «Мемуары дьявола». Луицци заворужен историей Генриетты Бюре, которая уже шесть лет томится в заточении в уединенном домике. Получив от Дьявола способность видеть сквозь стены, он становится свидетелем трагедии несчастной женщины, насильно разлученной с любимым, и ужасов семейной жестокости, скрытых за фасадом благополучия.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-256534-2

© Сулье Ф., 1838
© Эксмо, 1838

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фредерик Сулье
Мемуары Дьявола
Том третий

Frédéric Soulié
LES MÉMOIRES DU DIABLE

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2025

© Пахсарьян Н. Т., статья, комментарии, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава I

Верные слуги¹

На сей раз Луицци оставался без сознания целых тридцать шесть дней. Если учесть, что все это время он ничего не ел, то, естественно, первое, что он почувствовал, придя в себя, был зверский голод. Барон хотел позвонить, но не смог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

«Что за черт, – волновался Луицци, – опять я упал? Но кажется, я не бросался в окно, как в тот раз; общий паралич – не иначе...»

Арман вновь попробовал повернуться, но обнаружил, что крепко привязан к кровати. Он тихо позвал, но никто не откликнулся. Только женщина, что сидела в изголовье и увлеченно размачивала приличных размеров бисквит в большом стакане подслащенного вина, лениво обернулась, бросила на больного недовольный взгляд, а затем спокойненько отправила печенье в рот, сделала добрый глоток вина, аккуратно поставила стакан, взяла книгу и принялась читать, повторяя вслух каждую фразу. Арман хотел было как следует протереть себе глаза, дабы убедиться, что действительно проснулся, но, как говаривала славная женщина, так любившая сладости вкупе с вином, привязан он был «наглухо».

– Пьер! Луи! – закричал барон. – Луи! Пьер!

В ответ раздался лишь короткий смешок и звон бокала.

– Луи! Пьер! Канальи! Кто-нибудь, эй! – с новой силой завопил Луицци.

– Боже, вот малахольный! – пробормотала женщина.

И, ничуть не тревожась, она взяла огромную губку, что плавала в ведре с ледяной водой, и грубо прижала ее к лицу Армана. Этот способ лечения возымел свое действие: барон решил, что самое время пораскинуть мозгами. «Ну хорошо, – подумал он, – по всей видимости, я был болен, и скорее всего – нервной горячкой; но, должно быть, я уже здоров, ибо чувствую только некоторую слабость во всем теле, а мыслю вроде бы достаточно ясно. Я прекрасно помню все, что со мной случилось, и могу пересказать».

И, перебирая про себя воспоминания, словно нищий, подсчитывающий на ладони медяки, барон громко заговорил:

– Да! Помню, прекрасно помню: госпожа де Фантан – это госпожа де Кремансе, Лора – это госпожа Дилуа; бедняжка, она умерла от отчаяния, я убил ее! О Сатана, Сатана!

– Ну сколько можно, – заворчала сиделка, – опять начинается! Вот одержимый!

Наконец оторвавшись от книжки, она позвала:

– Господин Пьер! Господин Пьер!

Пьер, закутанный в хозяйский халат, появился на пороге, невозмутимо размачивая реймское печенье в добротном шампанском из запасов барона.

– Что такое? Что-нибудь случилось, госпожа Умбер? – заикаясь и пошатываясь, спросил лакей.

– Он опять бредит. Нужно кого-нибудь послать за пиявками. Господин Кростенкуп говорил, что, если опять начнется бред, нужно поставить штук семьдесят на живот и наклепать горчичники на икры и на пятки.

– А стоит ли тратить на пиявок и горчичное семя? – усомнился Пьер. – У барона, конечно, много звонких монет, и господину Кростенкупу не жалко чужих денег на рецепты для аптекаря.

¹ *Верные слуги.* – А. Ласкар утверждает, что столь красочных сцен, описывающих слуг, нет ни в каких других произведениях Ф. Сулье.

– Здоровье не может стоять слишком дорого, господин Пьер; это первейшее благо на свете, – наставительно произнесла госпожа Умбер.

– Ну и что? Лучше я буду болеть всю жизнь, чем отдавать по тридцать су за каких-то мерзких пиявок.

– Да, верно, господин Кростенкуп сам составляет счета. Последний раз, когда мы с ним лечили одного одинокого старика, пиявки стоили всего тринадцать су за горсть. Правда, покойник был всего-навсего биржевым зайцем, которому только три раза удалось обанкротиться.

– Ну уж ему-то было что намазать на хлеб!

– Не слишком жирно, господин Пьер. Порой ему и на опохмелку не хватало.

– Кажется, барон успокоился. Разве нельзя избавить его от кровожадных пиявок?

– Ну что вы! Я же говорю, он бредит! Опять начал свои сказки про прекрасных дам. К тому же ведь уже уплачено. Нельзя же не забрать у фармацевта купленный товар...

– Знаете, мне вовсе не жалко кошелёк барона, просто мне кажется, нужно пощадить его кожу. Взгляните на его пузо: оно и так все в дырках, как старая шумовка. Будто на него напала пиявочная оспа. Поставьте пиявок в счет, но не ставьте их ему на живот.

– Что ж, ваше распоряжение будет выполнено в точности, господин Пьер. Вот только как бы господин Кростенкуп не раскусил все завтра: ведь он будет искать дырки – он их каждый раз считает. А потому возьмите, пожалуй, сотню пиявок вместо семидесяти – ведь не все они впиваются в тело как положено...

– И вы заберете их себе, госпожа Умбер, чтобы они затем пользовали других клиентов?

– Нет! Я отпущу их гулять по улицам с тросточкой в руке!

– Скажите, госпожа Умбер... Меня гложет одна мыслишка...

– У вас еще и мысли иногда бывают?

– Вы так много занимались с больными... Вы когда-нибудь видели, как эти гады занимаются любовью?

– Замолчите, грязное животное! – тоном возмущенной недотроги воскликнула госпожа Умбер. – Идите, делайте, что вам велят, и заодно пришлите мне стаканчик винца и печенье. А то у меня пупок уже к позвоночнику прилип.

– Может, шампанского?

– Благодарю, но я терпеть не могу пену – у меня от нее в животе бурчит. Пришлите то же, что и раньше.

– Бордо?

– Да, бордо.

– У вас, однако, забавный вкус. Право, это вино для несмышленных птенчиков, только сон нагоняет.

– Кстати, не забудьте о кофе. А то действительно что-то я такая вся сонливая...

– Ну что ж, прекрасно! Сейчас я сам все принесу. Вот только отправлю Луи к фармацевту.

– Это кучера-то? Да он, поди, еще не проспался!

– Ну и прекрасно! Вот в таком-то виде он и нужен! Никто не правит лошадьми лучше, чем он в мертвецки пьяном состоянии, а уж немножко винца вовсе не мешает ему дойти куда надо пешочком.

– Я смотрю, вино и вам не во вред; что-то вы так разлюбезничались...

– Я? Неужели я выпил лишнего?

– Во все нет; но ваши глаза блестят, как распахнутые настежь окошки в ночи.

– А это чтобы лучше вас видеть, госпожа Умбер, – пробасил лакей, приближаясь к сиделке, которая, вопреки обыкновению, вовсе не походила на старую каргу. Этакая аппетитная и весьма дородная пышечка от силы тридцати лет – слишком хороша для господина Пьера.

– Э! Э, господин Пьер! Вы слегка расчувствовались от винца...

– Ах, вам бы хоть капельку моих чувств...

– А что скажет господин Умбер?

– А это еще кто такой? Неужели он существует?

– Вы уж извините великодушно, но да, существует. А где, как вы думаете, я взяла это имя – Умбер? В справочнике вычитала? Или, может быть, откопала в корзине старьевщика?

– Не сердитесь, прошу вас. Ведь на этом свете далеко не все женщины замужем.

– Возможно; но я вовсе не из их *котеории* – понимаете, господин Пьер?

– А! Какая разница! Разве господин Умбер может нам сейчас помешать? – И Пьер вплотную придвинулся к сиделке.

– Ну вот что! Отправляйтесь-ка в аптеку, кобелина неумытый! И не вздумайте обхаживать меня потом таким манером, а то я прилеплю парочку самых злых пиявочек прямо на кончик вашего красного носа!

– Они от этого только пойдут, да и вы тоже...

– Не говорите глупостей!

– Я предпочитаю их делать.

Здесь Луицци не удержался от раздраженного возгласа:

– Ну и прохвост!

Любвеобильный ухажер вдруг застыл с озадаченным видом и только через несколько секунд заржал, приговаривая:

– Ну и дурак же я! Совсем забыл, что он чокнутый!

– Зато у него гораздо больше здравого смысла, чем у вас, – воспользовалась моментом сиделка. – Слышите – полночь пробило; скоро фармацевт закроет аптеку, и где тогда наши пиявки?

– Бегу. Одна нога здесь, другая там. Но я вернусь! – ответил Пьер.

И он вышел, послав госпоже Умбер нежный воздушный поцелуй.

– Ну и ну! – профырчала сиделка. – Уж если бы я и захотела любовничка, то выбрала бы порасторопнее, чем этот красномордый пузан!

Это рассуждение ничуть не помешало госпоже Умбер прибрать столик, стоявший у постели больного, и придвинуть к нему поближе два удобных кресла: она явно рассчитывала провести еще какое-то время в обществе галантного лакея.

Пусть не удивляется читатель молчанию Луицци в течение почти всей этой беседы; ведь не впервые он оказался в подобной ситуации, когда позади у него был временной разрыв безо всяких воспоминаний. Влажная губка, леденившая ему лоб, и предстоявшая пытка семью десятками пиявок однозначно предупредили барона, что не стоит громко возмущаться и орать – в этом случае обращаться с ним уж точно будут как с сумасшедшим. Кроме того, он понимал, что, будучи в неведении относительно событий после предыдущей встречи с Дьяволом, он может ляпнуть какую-нибудь глупость, и тогда его заслуженно сочтут безумным; поэтому он предпочел хранить молчание и, прислушиваясь и размышляя, искал выход из затруднительного положения, в котором неожиданно-негаданно оказался; удобный момент настал, по его мнению, когда он остался наедине с госпожой Умбер, и, дабы доказать ей, что он в полном здравии, вежливо произнес:

– Госпожа Умбер, прошу вас, дайте водички.

– Боже! Бочка ненасытная, а не человек! – взорвалась сиделка. – И пяти минут не прошло, как я давала вам пить.

– Простите, госпожа Умбер, – заискивающе продолжал Луицци, – но прошло намного больше пяти минут... Вот уже добрых полчаса я слушаю, как вы болтаете с Пьером.

– Ну и ну! – Госпожа Умбер подняла повыше свечу, чтобы получше рассмотреть барона. – Вот это да! Так говорит, что можно подумать, будто он в своем уме.

– Со мной все в порядке, госпожа Умбер; я могу это доказать. Будьте добры, развяжите мне одну руку, я попыю сам, без вашей помощи.

– Ну да! Как же! Опять та же песня! Я вас давеча пожалела, и что же вышло? Лекарство полетело мне в нос, а кроме того, вы помяли мой чепчик за шестнадцать франков, совсем новехонький, в позапрошлом году купленный! Так что вот – пейте и молчок!

– Клянусь вам, госпожа Умбер, клянусь, – не сдавался Луицци, – я не сделаю вам ничего плохого; уверяю вас – я в своем уме.

– Прекрасно, прекрасно. Тогда пейте и спать!

– Что случилось? – в комнату вошел Пьер с двумя бутылками под мышкой; в одной руке он нес полную сладостей салатницу, в другой – тарелку с печеньем.

– Ничего, – обернулась госпожа Умбер, в этот момент подносявшая Луицци чашку с целебным отваром, – опять у него одно из его просветлений; просит развязать.

– Не вздумайте! – воскликнул Пьер. – Вы что, не помните, каких трудов нам стоило не так давно уложить его обратно в постель? Лично я отведал целую дюжину хороших пинков!

– Ты получишь еще больше, холуй, – разъярился Луицци, – дай мне только выздороветь.

Лакей встал в ногах у хозяина; по-прежнему держа бутылки под мышкой, а салатницу и тарелку в руках, он в упор взглянул на барона и, скорчив трезвую, но оттого еще более мерзкую рожу, изысканным тоном ответил:

– Неплохие чаевые! Премного вам благодарен, господин барон.

– Ах ты, мразь! – Луицци рассвирепел и с неимоверным усилием попытался вырваться из пут.

В рывке он нечаянно толкнул плечом чашку, которую протягивала ему госпожа Умбер, и перевернул ее. Сиделка гневно закричала:

– Вы что, Пьер, взбесились! Разве можно так дразнить слабоумного? Это последняя чашка отвара, я берегла ее, чтобы ему хватило на всю ночь; а теперь мне придется опять готовить снадобье... если только он не обойдется.

– Ба! Конечно, черт его раздери, перебьется! – откликнулся Пьер.

– Вам легко говорить! А он будет вопить ночь напролет, что хочет пить, и я не смогу поспать ни минутки! В конце концов, это не займет много времени: чайник уже на огне, сейчас я брошу туда целебные травы, и все будет готово.

– Один момент! – прервал ее Пьер. – Нам самим нужна горячая вода, чтобы растопить вот этот кусочек сахара.

– Зачем?

– Затем, что, кроме бордо, я принес заветную бутылочку коньяка; сейчас мы быстренько сварганим в салатнице огненный коктейльчик², а затем выпьем его без особых церемоний.

– С ума сойти! Вы прирастали к горячему пуншу? Это пагубная привычка! Он сожжет вашу душу и тело, вы мигом сгорите, словно стог сена!

– А я и так уже весь горю. – Лакей адресовал госпоже Умбер вызывающую улыбку.

– Опять вы за свои глупости? – жеманно отозвалась сиделка.

– Ну что вы, я ничего такого не имею в виду; смотрите, каким красивым синим пламенем горит наш пунш! – лукаво усмехнулся Пьер.

– И правда; только вы прямо позеленели при таком свете – ну точно покойник!

И вдруг госпожа Умбер громко вскрикнула и продолжила уже с неподдельным испугом:

– Господи! Ну и балбес же вы, Пьер! Прекратите немедленно свои штучки! Мне страшно, ну в самом-то деле!

Лакей же только вошел во вкус и, задув предварительно все свечи, встал позади пламени пунша. Его лицо, освещенное зловещим огнем, приобрело зеленоватый оттенок; к тому же,

² ...огненный коктейльчик... – Пристрастие к крепкому горячему пуншу, замечает А. Ласкар, в литературе XIX века испытывали обычно дородные персоны. Это пристрастие стало причиной смерти Пирата Кернока, героя одноименного романа Э. Сю, вышедшего в 1830 году.

ради большего впечатления от своего действия, он скорчил такую мерзкую и страшную рожу, что тут испугался бы кто угодно. Он хрипло и протяжно зарычал. Объятая ужасом госпожа Умбер завизжала:

– Ну хватит, Пьер, хватит! Зажгите свечи!

– А-у-у! – завыл лакей загробным голосом.

– Ну страшно же, Пьер! – завопила сиделка. – Ну сколько можно! Хватит дурака валять!

– А-у-у-у! – еще более замогильным тоном взвыл лакей.

– Ну вот что! Прекратите немедленно, или я сейчас позову на помощь! – Госпожа Умбер, и в самом деле дрожащая от страха, направилась к двери.

– Вы отсюда не выйдете никогда! – зловещим голосом продолжал Пьер. – Я пришел из преисподней, чтобы забрать с собой тебя и твоего болезного барона.

– Да замолчите же, Пьер!

– Я не Пьер! Я Дьявол!

– Сатана, это ты? – закричал Луицци; его расшатанное долгой болезнью сознание легко поддавалось впечатлению от разыгравшейся сцены, в которой лично для него не было ничего сверхъестественного.

Услышав его слова, лакей и сиделка завопили и бросились друг к другу, а Луицци, продолжая бредить, все кричал:

– Сатана! Явись, Сатана! Я зову тебя!

– Ну вот что вы наделали! – дрожащим голосом запричитала госпожа Умбер. – Добрую неделю у него не было таких галлюцинаций! Он опять зовет Дьявола, будто бешеные псы его искушали!

– Однако было бы весьма забавно, – сказал Пьер, тщетно стараясь принять невозмутимый вид, – забавно было бы посмотреть на Дьявола, если бы только он и в самом деле вздумал явиться!

– Тьфу! Хватит, Пьер! – Госпожа Умбер рассердилась уже не на шутку. – Или я в самом деле позову на помощь!

Она зажгла свечи, в то время как Пьер, нервно посмеиваясь, разливал готовый пунш.

– Держите. – Лакей протянул рюмку сиделке. – Пейте – это лучшее лекарство против самого страшного ужаса.

– Да и вам не мешало бы подлечиться, господин Пьер; что-то вы слегка побледнели... Налейте-ка мне еще полрюмочки... А то, когда он заорал, призывая нечистого, я так испугалась, что до сих пор поджилочки трясутся...

С этими словами она села за стол; Пьер расположился рядышком и, не забывая наполнять ее рюмку, продолжал:

– Однако вы не первый раз слышали сейчас, как барон призывает Дьявола.

– Конечно нет, черт бы его забрал совсем! – сказала госпожа Умбер, маленькими глоточками отхлебывая пунш. – В начале болезни он только это и делал.

Непрошенная галлюцинация, захватившая разум барона, рассеялась при виде неподдельного испуга лакея и сиделки; справедливо полагая, что может добиться от них послабления только путем взвешенного поведения, Луицци ушел в себя, решив спокойно слушать их беседу, что бы они там ни выдумывали; к тому же он надеялся почерпнуть из их болтовни что-нибудь полезное для себя.

– Однако что за дурная блажь! – воскликнул Пьер. – Воображает, что сам Дьявол у него в услужении!

– Бывает и хуже. Каких только чудачков не носит эта земля! Как-то почти целый год я работала у одной девицы из Гаскони, так вот она была в совершенном убеждении, что родила ребенка в подземелье, в которое ее заточили на целых семь лет!

Несмотря на свое твердое решение помалкивать, Луицци, до крайности изумленный этой новостью, не смог удержаться от восклицания:

– Генриетта Бюре!³

Сиделка резко подалась назад, и удивленный Пьер спросил ее:

– Что с вами?

– Но ее звали именно так! – ответила сиделка. – Откуда ваш хозяин ее знает?

– А что тут такого? Он тоже родом из Гаскони, так что вполне мог быть знаком с ней. Пусть себе бормочет под нос, не обращайтесь внимания; лучше расскажите-ка мне эту историю.

– Я знаю только, что она прибыла в сопровождении одного из членов ее семьи. Впрочем, она была ко мне очень добра; только и делала, что с утра до вечера рассказывала мне о себе и своих переживаниях.

То, что услышал Луицци, повергло его в самый настоящий ужас; он вдруг понял, как просто с помощью обвинения в безумии спрятать в воду концы многих преступлений. А ведь он сам тоже считается душевнобольным, и вокруг него наверняка хватает людей, которым выгодно поддерживать этот миф. Он только что вырвался из царства бреда: за время болезни он мог такое рассказать о приключениях госпожи дю Берг и госпожи де Фантан! Если хоть какой-то слушок достиг их ушей, то нет никаких сомнений, что они больше кого бы то ни было должны настаивать на его невменяемости. Луицци подумал также, что теперь они нуждаются не только в этом и никто не поручится, что они не испробуют всех средств для уничтожения человека, так много знавшего об их подлостях.

Молчание, наступившее после слов госпожи Умбер, позволило Луицци некоторое время поразмышлять. Тишина прерывалась только хрустом поглощаемого печенья и бульканьем подливаемого пунша.

– И все-таки, – заговорил Пьер, – странно, что человек спятил вот так вдруг, безо всякого предупреждения.

– Неужели раньше с ним ничего подобного не случилось?

– Да нет вроде. – Пьер засомневался. – Впрочем, я работал у него всего пару недель до того, как он заболел... В общем, барон как барон, если только не считать, что иногда он запирался в своей комнате и разговаривал сам с собой.

– И это вам ни о чем не говорило? – удивилась госпожа Умбер.

– Нет, честное слово, – ответил лакей. – Совсем недавно я был в услужении у одного депутата, который целыми днями репетировал речи, стоя на трибуне перед огромным зеркалом в собственной гостиной... Все это он приказал соорудить специально для упражнений в красноречии.

– Совсем как знаменитый Голован!⁴ – засмеялась сиделка.

– Как раз наоборот, – возразил лакей, – это адвокат с превосходной репутацией, а у них считается, чем меньше башка, тем острее ум.

– Все равно это выглядит глупо – человек перед зеркалом препирается сам с собой!

Луицци, почувствовав, что разговор уходит в сторону от его персоны, решил повернуть внимание болтунов на себя и попросил пить.

– Что-то сегодня жажда на него напала! – раздраженно воскликнула госпожа Умбер.

– А ведь ваш целебный отвар, который вы ему давали, мог бы прекрасно его освежить, но он пролился на простыни...

³ *Генриетта Бюре!* – Это восклицание персонажа восстанавливает связь истории Луицци с давно выпавшей из внимания читателей историей Генриетты.

⁴ *Совсем как знаменитый Голован!* – Голован (Bobèche) – сценический псевдоним Жан-Антуана Марделяра (1791–1840), известного в Париже начала XIX века шута, клоуна. Вместе со своим напарником по прозвищу Бурда (Galimafré) выступал с 1806 года на бульваре Тампль. 3 июля 1837 года эта пара клоунов играла в театре «Пале-Рояль». Под маской глупого буффона Бобеш тем не менее скрывал острый и едкий ум.

– Ах да, правда, я и забыла приготовить другой; а теперь воды в чайнике не осталось, и нужно разжигать огонь...

– Не беспокойтесь, госпожа Умбер, сейчас я все устрою. Где его травы?

– Вон там, слева, на камине, рядом с маленьким серебряным колокольчиком такой забавной формы.

Луицци резко приподнялся и увидел свой талисман. Сначала он испытал чувство глубокого удовлетворения, но, поразмыслив о том, до чего его довели доверительные откровения Дьявола, решил больше ни в коем случае не дотрагиваться до магического колокольчика. Меж тем, пока Пьер готовил снадобье, а госпожа Умбер продолжала дегустировать горячий пунш, вошел кучер с чашкой, полной пива, в одной руке и с огромным пакетом горчичного порошка – в другой. Его ноша, больше чем какие-либо здравые мысли, убедила Луицци в пользе сна. Он содрогнулся, представив, как применяют эти лекарства, а потому притворился спящим, дабы его преданным слугам не пришла идея прийти ему на помощь. А для полноты картины он даже слегка всхрапнул.

– Ты гляди! – обернулся к больному Пьер. – Накажи меня Бог, если он не хрипит!

– Похоже... – подтвердил кучер, подойдя к кровати.

– Быть того не может, – сказала госпожа Умбер, с трудом приподнимаясь из кресла.

– Ничего удивительного. – Пьер также не без определенных усилий приблизился к Луицци, чтобы получше его рассмотреть. – Вот уже добрую неделю он водит нас за нос; пощупайте-ка, как там у него пульс.

Госпожа Умбер встала, но горячий пунш подействовал на нее гораздо сильнее, чем она думала, а потому, шаткой походкой подойдя к больному, она стала искать пульс не на той стороне руки. Не чувствуя биения артерии, она с ученым видом сказала:

– Все, конец.

– *Requiescat in pace*⁵. – Пьер накрыл лицо «покойника» простыней. – Теперь и мне будет что намазать на хлеб.

– *De profundis*⁶, – прогнусавил в ответ ему кучер, – а то лошади пожрали весь овес и сено.

– Один момент, – воскликнула госпожа Умбер, – только не прикасайтесь к вещам – с меня могут спросить. Вот наличные – другое дело.

– А у него и не было наличных, – заявил Пьер.

– Ты-то откуда знаешь? – хитро сощурился Луи. – Что, шарил по ящикам в секретере?

– Говорю тебе: здесь ничего нет!

– Что ж, прекрасно, прекрасно! Пересчитай денежки как следует! Насладись ими в последний раз! Полицейские ищейки все равно их найдут! Отдавай немедленно мою долю, или я пойду в участок и все расскажу!

– Ну-ну, иди доноси! А я спрошу заодно у фараонов, могут ли лошади за шесть недель сожрать шесть полных охапок сена и двадцать мешков овса.

– Пьер прав, – сказала госпожа Умбер, – он не вмешивается в ваши аферы на конюшне, а вы, Луи, не должны совать свой нос в домашние дела!

– Э! Так вы заодно! Сколько он вам дал, чтобы вы встали на его сторону?

– Нисколько, ясно? Я честная женщина и никогда не брала ничего сверх того, что больные сами считали нужным вручить мне! Господин Пьер может засвидетельствовать: покойный барон только что подарил мне полдюжины серебряных столовых приборов в знак благодарности за заботу.

– Это где-нибудь записано?

– Нет, ведь он привязан наглухо.

⁵ Покойся с миром (*лат.*).

⁶ Из бездны (*лат.*).

– Ну что ж, – продолжал кучер, – тогда боюсь, что если вам захочется отобедать, пользуясь этими приборами, то вы рискуете хлебать супчик без ложек, голыми руками.

– Однако он прав, – вздохнул Пьер. – Обидно до слез, что никому вовремя не пришла идея подсунуть больному текст завещания; думаю, он назначил бы пожизненную ренту каждому из нас.

– Возможно, – продолжал Луи, – ведь он, между нами, был малость глуповат; но что сделано – то сделано, забудем об этом. Давайте попытаемся придумать что-нибудь; думаю, нам удастся договориться, ведь мы – порядочные люди.

– Хорошо, – согласился Пьер, – присаживайтесь, господа; только говорите потише, нам совсем не нужно, чтобы грум что-нибудь услышал.

– Ерунда! Он дрыхнет на канapé в гостиной, и даже если проснется, то не сможет нам помешать: уж не знаю, доберется ли он до собственной постели.

– И все-таки закрой двойные двери, да поплотнее, и тогда начнем наш совет.

Луицци услышал скрип стульев – трое почтенных собеседников рассаживались вокруг стола, а чоканье рюмками дало ему понять, что дегустация огненного пунша продолжилась.

– Итак, – начал Луи, – скажи прямо, Пьер, сколько ты нашел в секретере?

– Десять тысяч пятьсот франков, – ответил лакей, – и ни сантимом больше.

– Слово чести?

– Слово чести! А ты? Сколько ты взял на сено и овес?

– Тысячу сто двадцать два франка.

– Хм, маловато что-то, – засомневалась госпожа Умбер.

– Сударыня! – возмутился кучер. – Каждый вносит, сколько может.

– Право, господа, – продолжала госпожа Умбер, – от богача с миллионным состоянием мы получили просто мизерное наследство!

– Правильно сказано, как это ни грустно, – вздохнул Луи. – Вот если бы у нас было завещание! Как бы нам его сделать?

– Я плохо умею писать, – сказал Пьер. – К тому же у покойного был не почерк, а какие-то дурацкие каракули.

– Может быть, где-нибудь есть образец? – задумалась госпожа Умбер.

– Не знаю, – ответил лакей. – Я видел его почерк, только если он просил отнести кому-нибудь записку.

Луи выругался и стукнул кулаком по столу:

– Как же счастливы образованные люди, черт бы их побрал! Подумать только, эти оборванцы, мои родители, не взяли на себя труд обучить меня грамоте, и только поэтому я могу потерять теперь целое состояние!

Несмотря на весь ужас, охвативший Луицци, который слушал этот разговор, мысль о завещании дала ему какую-то смутную надежду. В тот момент, когда Луи еще раз с силой треснул по ни в чем не повинному столу, он испустил продолжительный вздох. Трое заговорщиков испуганно обернулись и внимательно прислушались.

– Луи, Пьер, – тихо прошептал барон.

Собеседники оторопели:

– Так он еще жив.

Пьер, как наиболее твердо державшийся на ногах, подошел к Луицци и стянул простыню с его лица.

– А! Это ты, мой славный Пьер, – простонал Луицци, как бы только-только приходя в себя. – Где я? Что со мной случилось?

– Вот те раз! – пробормотала госпожа Умбер. – Можно подумать, что его соображаловка в полном порядке.

– Кто эта женщина? – спросил барон, обращаясь к Пьеру.

– Я ваша сиделка, – поклонилась ему госпожа Умбер.

– И как долго я болел?

Слуги переглянулись; полной уверенности, что хозяин окончательно пришел в себя, у них не было. Тем не менее Луи ответил:

– Вот уже шесть недель, как вы в постели.

– И все это время вы ухаживали за мной, друзья мои?

– Да, это так, – сказал Пьер. – Мы, можно сказать, не смыкая глаз, сидели над вами ночами напролет.

– Я вас отблагодарю, друзья мои, за все ваши заботы, – тихо продолжал Луици, – вот только встану на ноги... или умру – уж очень я паршиво себя чувствую...

– Я сгонял тут давеча за свеженькими пиявками, – засуетился Луи, – не желаете ли? Может, они вам помогут?

– Навряд ли! – встрепнулся Луици. – Прежде всего я хотел бы черкнуть пару слов своему нотариусу.

Слуги обменялись многозначительными взглядами.

– Я не боюсь смерти, – заверил их Луици, – но ведь никто не знает, что его ждет впереди. А потому необходимо навести хоть какой-то порядок в делах. И я вас не забуду, дети мои, не забуду ни в коем случае!

Несмотря на незамысловатость, хитрость Луици удалась вполне. Она напрямую била по алчности, а ведь нужно признать, что ради удовлетворения этой страсти люди, действуя по собственному почину, способны изобрести самые хитроумные способы, но в то же время попадают в очевиднейшие ловушки. Впрочем, то же относится и к другим ненасытным порокам, как физическим, так и нравственным.

Желание барона уловили на лету. Но, пока Луи искал чернила и бумагу, Пьер и госпожа Умбер о чем-то приглушенно шушукались; заметив это, Луици снова забеспокоился. В самом деле, ведь после того, как он доверит нотариусу свое завещание, мерзавцы, убежденные в выгодности для себя его посмертной воли, вполне могут попытаться ускорить благоприятный исход. И он замер, напряженно раздумывая над тем, как избежать новой опасности.

– Что-то господин барон не торопится писать, – проворчал Луи, подозрительно взглянув на Луици.

– Ну и болван же ты! – возмутился Пьер. – Как же ему писать? Со связанными руками?

И Пьер немедленно подошел к постели больного, сдвинул одеяла и развязал узлы. Луици с какой-то детской радостью приподнял руки; но радость его быстро угасла, ибо он заметил их страшную худобу. Больной, который день за днем наблюдает в зеркале, как чахнут от свирепого недуга его лицо и тело, с трудом отдает себе отчет о постепенном увядании своих черт; но тот, кто видит себя после долгого перерыва, внезапно открывая, до чего он дошел, часто испытывает ужас, порой еще более роковой, чем сама болезнь. Именно это произошло и с Луици; рассмотрев свои руки, он испуганно закричал:

– Зеркало! Дайте мне зеркало!

Раболепная угодливость, сменившая совсем недавнее подлое безразличие, не позволила слугам что-либо возразить на это требование; госпожа Умбер нашла зеркало и села рядом с бароном, предоставив ему возможность как следует рассмотреть свое отражение: мертвенно-бледное, заросшее лицо, спутанные волосы, дикие, воспаленные от жара глаза, побелевшие губы, заострившийся нос; какое-то время Луици молча созерцал сей портрет, не в силах произнести ни слова; так называемая сила духа, которой наш герой, по его мнению, обладал в избытке, вдруг покинула его, и он взвыл самым жалобным образом:

– О боже! Боже, как же так?

Затем, оттолкнув зеркало, барон опрокинулся навзничь в полном упадке сил и в самом неподдельном отчаянии; он горько плакал, не стыдясь жадно-любопытных глаз прислуги, ибо

в эту минуту его гордость – причина отваги большинства мужчин – безоговорочно капитулировала перед малодушием. Верные слуги Луицци, казалось, всерьез встревожились из-за его приступа слабости, ибо госпожа Умбер проворковала наисладчайшим голосом:

– Господин барон, вы уже не желаете черкнуть пару слов нотариусу?

– Неужели я так плох? – Луицци взглянул на сиделку расширенными от страха глазами.

– Да нет же, сударь, ну что вы в самом деле! Просто никогда не помешает принять меры предосторожности; лучше уж умереть, уладив заранее все отношения с людьми и Богом.

– С Богом? – Луицци снова разрыдался. – Примириться с Богом? Никогда, никогда! Я во власти ада, и...

– Будь я проклят! – выругался Пьер. – Снова-здорово! Видать, мы рано обрадовались. Давайте опять его привяжем, да покрепче.

– Ой, не надо, не надо! – взмолился Луицци в самой настоящей истерике. – Не привязывайте меня, прошу вас! Я больше ничего не буду говорить, я буду молчать, только не привязывайте! Дайте, я напишу письмо.

Последняя просьба была, конечно, услышана, и Луицци взял протянутое ему перо. Но бумага расплывалась в его глазах, а рука, казалось, забыла, как надо выводить буквы; с большим трудом Луицци удалось черкнуть несколько слов, после чего, совершенно обессиленный, он упал на постель.

– Пошевеливайся, Луи, – тихо приказал Пьер, – похоже, у нас совсем мало времени.

Кучер стремглав выскочил из комнаты, сильно хлопнув дверью.

– Не оставляйте меня одного, – дрожащим голосом попросил Луицци, – не оставляйте меня одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.